

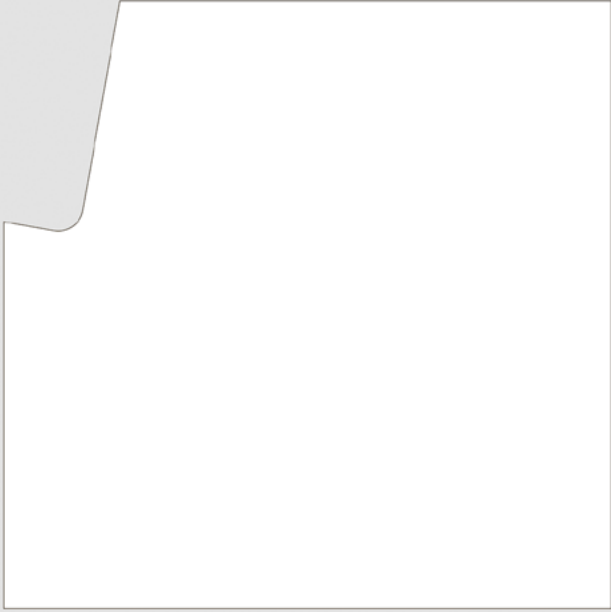
ФИЛОСОФСКО-
РЕЛИГИОЗНАЯ
ТЕТРАДЬ
№017

ВОЗВРАЩЕНИЕ ТРУДА:

ТЕЗИСЫ,
ПОСВЯЩЕННЫЕ
500-ЛЕТИЮ РЕФОРМАЦИИ

2017

ВОЗВРАЩЕНИЕ ТРУДА: БОГОСЛОВСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ВЫЗОВЫ ТЕОЛОГИИ ТРУДА

evangelical.council@gmail.com

УДК 277.4(082)
ББК 86.376
М34

М34 **Философско-религиозные тетради. Тетрадь №017.**
Возвращение труда: богословские и философские вызовы
теологии труда. — Тезисы, посвященные 500-летию
Реформации. — Москва-Геракля, 2017. — 54 с.

Благотворительный фонд "Фонд поддержки христианской культуры, науки и образования"

Верстка и дизайн – Михайлюк М.С.

Корректурa – Утукина М.А.

Неклерикальный способ рассуждения о Боге, Его помыслах и действиях в мире, Его благодатном воздействии на жизнь людей оказался наиболее продуктивной формой богомыслия русского религиозного сознания, напряженно ищущего «последних ответов». И именно эту традицию намерены продолжать авторы философско-религиозных тетрадей.

Настоящий сборник посвящен одной из самых острых богословских и философских проблем современности – труду. Вопрос труда, его неизбежности для человека, смысла труда (или его бессмысленности) так или иначе обсуждается во всех священных текстах и в большинстве философских школ. С особой силой эта тема зазвучала пять столетий назад, когда Реформация придала профессиональному труду и повседневной деятельности человека высокий статус священнического служения. Христианская цивилизация в целом не смогла удержать высоту такого понимания труда, удовольствовавшись более понятной и практичной «трудовой этикой». Потому сегодня, как утверждает один из авторов сборника, «мы имеем дело с сокрушительной девальвацией труда». Или, говоря с пророческой перспективы, Бог снова бросает нам вызов: восстановить в мышлении и деятельности подлинный смысл труда, вернуть повседневной деятельности человека красоту изначального Замысла. Возможно, именно это требование Господа есть основной вопрос современной Реформации.

Всякую ли деятельность человека можно назвать трудом? И что такое труд по самой своей сути: неизбежное зло или дар Божий человеку? По какой причине труд превращается в проклятье и что может сделать человек, чтобы превратить это проклятье в благословение? Наконец, в чем состоит специфика труда предпринимателя и какова его роль в формировании современного и будущего мира? Таков примерный круг вопросов, над которыми размышляют авторы данного сборника. В значительной степени, это продолжение разговора, начатого ранее. Потому для большего погружения в тему мы рекомендуем ознакомиться с материалами тетрадей 007 и 011.

Основу сборника составили доклады, представленные на восьмой и заключительной конференции «Реформация vs революция», которая состоялась в канун 500-летнего юбилея Реформации 27-28 октября 2017 г. в Московской высшей школе социальных и экономических наук.

ISBN 978-5-9909098-1-6

© РБШ
© С. Градировский,
Д. Ковалевич, М. Дубровский

Содержание

Сергей Градировский

Теологическая апология труда7

Денис Ковалевич

Апология предпринимательского труда25

Михаил Дубровский

Всеобщее священство: христианская миссия
и жизнь веры в постсекулярном мире38

У сапожника, кузнеца, крестьянина и у каждого есть свое ремесло, должность и дело, и все же все они в одинаковой мере являются посвященными священниками и епископами; и каждый, исполняя свою должность или занимаясь своим ремеслом, обязан приносить пользу другим и служить им.

Мартин Лютер

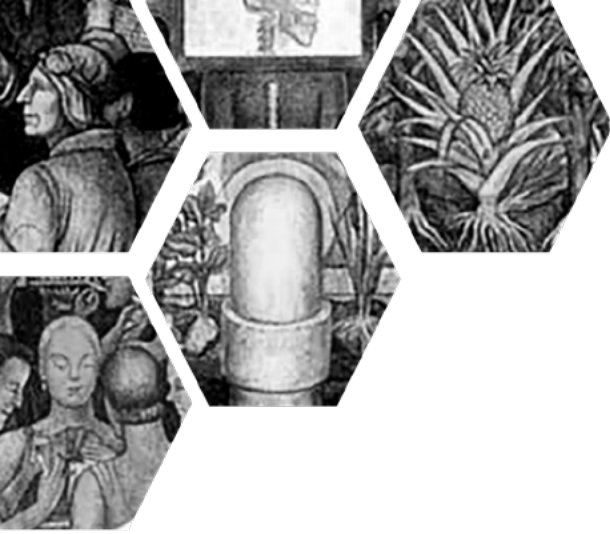
В России вся собственность выросла из "выпросил" или "подарил" или кого-нибудь "обобрал", труда в собственности очень мало, и от этого она не крепка и не уважается...

Василий Розанов

Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь.

Мф.7:19

Теологическая апология труда

Сергей Градировский

1. Мы имеем дело с сокрушительной девальвацией труда. Причем не только в ортопраксии и ортодоксии различных конфессий и церквей, но и в ориентирах секулярных центров, генерирующих большие цивилизационные смыслы.

2. Исток указанного поражения в забвении святости труда. Темная сторона труда затмила светлую. Всем, кто признает, что у Церкви есть повестка, придется задуматься о таком ее пункте, как требование нести городу и миру оправдание труда. Оправдывается то, что свято.

3. Восстановление святости труда необходимо начинать с реабилитации знания об Отце. Для чего важно ответить на ряд вопросов: Отец сам трудился? Он миролюбив к трудящимся? Существует ли заповедь труда, данная нам самим Отцом? Он научил нас как именно трудиться? Он дал нам утешение в труде? При каких условиях труд ведет к спасению? Возможен ли труд как соработничество с Отцом? Наконец, ведет ли труд в мастерскую Отца?

4. Отец сам трудился и нам велел. Поэтому мы не погрешим против истины, утверждая, что одно из Его святых имен – Трудящийся. Наш Бог – Бог труда.

5. Шестоднев есть краткий отчет о трудоднях Отца. Согласно данному отчету, наш Создатель и Отец трудился «весьма хорошо». Взирая на это, сердце каждого сына и дочери наполняется благодарностью. Всевышний шаг за шагом (день за днем) созидал мир, ставший нам привычным. Это пример для нашего подражания.

6. Наш Бог не похож на рантье. Он не поживает на ранее созданном, но детей Своих одаривает наследуемым. Он жертвует за нас и нашего ради спасения самым дорогим из рожденного, не сотворенного. Он творит нашу свободу. Строчка «хлеб наш насущный дай нам на сей день» – пронизана ненавистью к запасивости, которая есть производная страха перед безблагодатным будущим.

7. У Бога Труда много имен. Он начало творящее, Он всегда творящий новое. Он Бог предпринимающий, Бог промышляющий. Он Дух действующий, а не бездействующий. Он Бог, посылающий пророков, принуждающих нас к исправлению, к поступку. Он Бог милостивый, откликающийся на призыв, слышащий сердца идущих – тех, кто не ждет, кто не в унынии, но идет, кто упорно пробивается на встречу с Ним.

8. Встреча с Ним – конечный пункт нашего земного путешествия. Радость встречи может ждать за любым поворотом. Он приходит непредсказуемо, когда совсем погаснет свет, «когда не десять и не сто, а миллион поверят бреду; / когда уже ничто, ничто не намекает на победу...». Он Бог верный. Он выходит на встречу. Он Бог Сретения.

9. То, что с трудодней Всевышнего начинается само Писание, стоит подвергнуть богословской рефлексии, которая могла бы дерзнуть выйти на необходимый нашему времени догмат о труде.

10. Итак, труд есть важнейшая категория, изъятая с повестки Церкви, из ее молитвы и литургии; категория, ставшая для многих христиан абсолютно незначительной, нарочито мирской, а для центрального вопроса веры – вопроса спасения – нулевой. Церковь не забывала, но и не учила, как роль и значение труда подчеркнуто продемонстрированы Отцом в самом начале всеобщей истории. Таким образом, Церковь в повседневной практике много раз пренебрегала одной из первых заповедей – заповедью труда.

11. «Все вещи – в труде» изрекал Экклезиаст тридцать веков тому назад (1:8). Вещь не возникает вне труда. Прекрасная же вещь рождается исключительно в осмысленном и одухотворенном труде. Вещь, исцеляющая всякого, кто ее держит в руках, создается в обереге молитвенного труда. Труд создал все, что нас окружает. Во всем, что нас окружает, труд Отца и труд детей его. Если кому не нравится то, что его окружает, пусть начнет с исправления собственного труда.

12. Трудящийся достоин пропитания (Мф. 10:10). Это высказывание Учителя произносится в ситуации посылки апостолов в мир: ничего с собой брать не нужно, ведь сам труд защитит служащего и даст все необходимое. Лишнего не даст, но необходимое будет.

13. Этот апостольский труд вне системы обмена мира сего. Даром получили, даром отдавайте – *δωρεαν ελαβετε, δωρεαν δοτε* (Мф. 10:8). Уметь заквашивать мир, минуя всеобщий эквивалент, – это и слабость, и настоящая сила; это явное упрощение человеческих коммуникаций и принципиальное усложнение отношений. Церковь строится на этом умении. Закваска остается закваской, покуда это умение в чести.

14. Логично предположить, что именно посыл – совершенного и прекрасного творчества (которое есть «хорошо весьма») – Отец передал Адаму. Разумно считать, что Отец обратился к венцу Своего творения с призывом продолжить начатое дело – научиться творить весьма хорошо, научиться так, чтобы, трудясь, и тем самым раскрываясь, как бутон раскрывается свету, – исполниться, то есть приобрести новое качество.

15. Если с доверием относиться к Отцу и с усердием вслушиваться в Его Слово, придется принять в вере, что нам, его детям, заповедано научиться предпринимать целые миры – безропотно начать с Сада и дорасти до Вселенной. Человеческая история – это история смены масштаба.

16. Не менее логично предположить, что грехопадение, исказив любовь и верность, нанеся сильнейший удар по послушанию, лишив творение бессмертия, исказило и труд. Дальнейшие события истории человечества только усиливали процесс отчуждения человека от изначально праведного Труда. Все больше и больше над трудом повисали нотки проклятия, все чаще и чаще над землей разносились стенания. Ибо в том, что утратило священный статус, виделось и по факту чувствовалось исключительно наказание.

17. Умаление горнего смысла постепенно оформилось весомой частью учения о грехопадении, легализовавшего идею наказания за грех в формах тяжкого, невыносимого труда. После такого богословского кульбита возникло пропедевтическое требование все данное миром, властью, горем и другими людьми до бесконечности терпеть и только так и только через это терпение искупать себя для нового Неба и новой Земли.

18. Такой ход мысли стоит признать богословской аберрацией. Именно в этой точке Церковь подвергалась критике со стороны лидеров и концептуалистов различных левых, социалистических и коммунистических движений. Именно на этом сюжете Церковь уступила левой идее сотни миллионов душ. Это цена за неотрефлексированные пресуппозиции.

19. Оправданно предположить, что Последний Адам, наш всеобщий Искупитель, восстановив отношения человека с Отцом через Свои воплощение, служение и жертву, восстановил и другие акциденции этих отношений. Разумно допустить, что в этом списке исцеленного оказался и труд, причем все формы труда – наемного, самостоятельного, принудительного и тем более свободного ответственного труда и одной из его вершин – предпринимательства.

20. Труд, раскрывающий Замысел Бога о твари и мире, является действием сложным, в частности, в нем важны пророческий и предпринимательский компоненты. Нужно не только «глаголом жечь сердца людей», тем самым дисциплинировать, обращать, восстанавливать заветы, но и проектом влиять на пути развития человечества – перестраивать деятельность, обновлять устои, создавать рабочие места, фокусируясь на творении нового, сложного, прекрасного.

21. Такой пророчествующий предприниматель соизмеряет свои интенции с Небом, понимая, что делать ставку на «технологическую платформу» Отца – умно. Нарращивать, усложнять и переводить техносферу в новый класс живого можно, при этом проявляя благоразумие и согласуясь с Духом. Идти за Духом Отца, а не за безупречной логикой технэ. Есть такая современная разновидность идолопоклонства – следовать путями технэ и даже поклоняться искусственному интеллекту.

22. Труд пророчествующего предпринимателя нацелен на экспансию внутреннего видения. Предприниматель есть тот, кто прозревает по-настоящему новое и иное. Предпринимательство суть наступление созидающей воли в мир, упрямое заквашивание мира. Предприниматель провозглашает то, чего еще нет. Силы свои он поддерживает в молитвенной страже. Это глас, вопиющий против энтропии и равнодушия мира к созидающему Замыслу Отца.

23. Предприниматель как человеческий тип всегда собран: он собран, ибо нацелен, нацелен, ибо уже вложил в то, чего еще нет, но что уже для него и его веры более реально, чем то, что с очевидностью существует для всех остальных. И в этом смысле он одиночка, инок. Даже если у него есть преданная ему команда, он сущностно останется иноком. За счет личной и созидающей концентрации, оставаясь лицом к лицу с Богом, предприниматель инвестирует себя самого в будущее и потому аскетичен в настоящем. Он щедр для будущего и скуп для настоящего.

24. Будущее для предпринимателя более реально, чем настоящее. Смысл его позиции в разрушении существующего порядка вещей. Шумпетер характеризовал предпринимательство как созидательное разрушение. Труд предпринимателя обесценивает настоящее. Настоящее деморализуется предпринимательским видением и волей, направленной на иное. Для предпринимателя идея, овладевшая сердцем и всем его существом, важнее сопромата существующего. Поэтому в предпринимательстве есть сила разрушения.

25. Предприниматель – идеалист, но в отличие от литературного идеалиста – он заземлен и крепко стоит на ногах. В пределе предприниматель есть столп и утверждение Идеи в мире вещей и отношений.

26. Пророк словом, а предприниматель делом приводят существующее к должному. И не дай Бог, кому-либо из них окзаться во власти чуждого духа.

27. Предприниматель настолько же опасен для власть имущих, как и пророк. Пророк возвращает миру Слово и установленный Небом порядок. Это, как правило, неприятно миру и идет вразрез воле сильных мира сего. Пророчествующий предприниматель расширяет удел Отца, утверждая Его владычество, насаждает новый Сад. От этого бывает больно и самому миру.

28. Наш Бог – предприниматель. Современное христианское мышление каждый раз спотыкается на этом образе. Так получилось, что христиане легко представляют Отца всея Творцом, Вседержителем-Пандократором, великим Врачевателем, искусным Ваятелем, безупречным Демиургом (буквально «творящим свой народ»), но мыслью спотыкаются и духом возмущаются, услышав, что кто-то Отца почитает за величайшего Предпринимателя.

29. Наш Бог – совершенный предприниматель, с совершенным замыслом, принявший наши человеческие риски и страхи на Себя. Он предпринял нас, сделав нас свободными. Он продолжает наполнять нами землю: как сказал Адаму, так и делает. Он по-прежнему верит в нас, продолжая это делать. Он следует обнародованному в Откровении замыслу и проекту, ибо Он Бог верный и всегда предпринимающий.

30. Человеку и миру страшно, когда приходится возвращаться к истоку. У человека для этого есть покаяние, для мира же и его закваски Церкви существует реформация. Реформация суть филигранная деятельность по возвращению Церкви как избранного народа «царей и священников» к первоначальной форме, той, что была явлена на пятидесятый день, когда огненные языки спустились на всех, кто пребывал в единстве и надежде.

31. Потребность в реформации неиссякаема, также как неиссякаема жажда покаяния верующего. Поэтому в повестке Церкви всегда перманентная реформация. Рефлексия этого факта выразилась в чеканной формуле: *Ecclesia semper reformanda est*. Реформация есть сущностная часть самой Церкви. Чтобы соль оставалась солью, она не должна раствориться. Но время, культура и цивилизация – растворяют. Противостоять времени можно, только пребывая в вечности, противостоять культуре и цивилизации должно, устремляясь в безумном порыве к истоку первоначальной формы. Когда в это верят и делают многие – это становится реформацией.

32. Реформация возможна, когда массово практикуется метанойя труда. Это значит поворот от труда «как он есть» к труду как священнодействию. Для успеха реформации метанойя труда должна стать массовой.

33. Священнодействуя в труде, мы собою и своим делом выгораживаем удел Отца (это затрагивает также профессиональную деятельность). Здесь на земле Его удел ширится только благодаря упорному и слаженному труду верных. Когда же верные теряют свою верность, когда их воля ослабевает, когда их ум захватывают сомнения, то есть когда соль теряет силу, – тогда и удел Отца сжимается подобно шагреневой коже. Это равноценно потере пути к Царству.

34. Мы возвращаемся на путь только тогда, когда случается новое пробуждение, а без него и не возвращаемся вовсе. Но мы же род избранный, царственное священство, народ святой, мы же взяты в удел, дабы возвещать совершенство Призвавшего нас из тьмы в чудный Свой свет (1 Птр. 2:9), и это мы – священники, цари и пророки Его Царства – удерживаем границы, за которыми только тьма и скрежет зубов. Да, это наш такой сермяжный труд – расширять пространство света, исходящего от Творца всего сущего.

35. Реформация сама по себе есть особая форма труда. Реформация несет множество рисков, но без новой, куда более зрелой реформации ценности Писания будут девальвированы и маргинированы растущим идолом прав человека, на глазах приобретающим очертания всеобщего насильника.

36. Если наш Бог – Господин труда, то верующий в труде смело уповает на Сына и Духа Святого. Сын дал понять, что пришел ради тех, кто трудится и кто не может трудиться, но не праздных, ведь сказано же «приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные» (Мф. 11:28). Праздные уже свое получили. И посему праздных Он недолюбливал также как «теплых», что извергнутся из уст Его (см. Откр. 3:15).

37. С нами ныне и присно надежда на то, что Святой Дух на стороне трудящихся. Он утешитель нуждающихся, Он утешитель обремененных трудом и условиями труда. Он с нами, ибо «трудящийся достоин награды своей» (1 Тим. 5:18).

38. Есть два типа труда: труд в воскресшем Адаме и труд в падшем Адаме. Труд как излитие от избытка, как священнодействие (христов) и труд как истощение, как отчаяние, как вечное отчуждение результатов собственного труда (марксов). Первый тип труда описывается формулами катафатического богословия. Второй тип – центральный элемент рабочей онтологии марксизма.

39. Подлинный труд по сути своей инаков к тому, что принято именовать работой. Он противоположен марксовской паре «труд/капитал». Подлинный труд собирает человека, а не разрушает, он приближает человека к центру и Духу, а не отчуждает его.

40. Наш Бог – плотник. Поэтому верные Слову с усердием практиковали труд, созидающий их личности. Такая личность в гражданском мире стремится через тернии к звездам, в сакральном мире совершает свой путь от Голгофы к отваленному камню гроба.

41. В исторической перспективе труд был уздой и плетью: средством смирения плоти, усмирения страстей, уравнивания ума. Труд был синонимичным измождению, принимался за средство, блокирующее страсти греховного тела. Именно такой труд качественно проработан и объяснимо воспет святоотеческим благочестием. Именно такой труд насмерть пугает изнеженного современника.

42. «Необходимо со всей решительностью защищать смысл труда» (Lab. 1)*. Смысл труда – это не то, что передается трудящемуся работодателем или что прописывается в одном из разделов трудового контракта. Смысл можно только стяжать, он всегда есть собственное усилие. Его нельзя поручить, нельзя купить, нельзя передать на аутсорсинг. Только самому, только лично. Наиболее полный смысл такого стяжания можно извлечь в диалоге с Тем, Кто есть неиссякаемый источник блага. Но стяжать и, стяжав, уберечь смысл от обесмысливания человеку придется всегда самому.

43. Самому, но не одному. Эту великую идею проповедует Церковь. Личное начало не затмевается соборным, но питается соками ближнего и всеобщего.

44. Человек, уничтожающий себя в труде, не помнящий себя в процессе создания блага, с очевидностью глубоко несчастен. Человек, как правило, самостоятельно превращает добровольный труд в принудительный (за исключением случаев прямого рабства и насильственного принуждения). Это такая болезнь, незрелость, неготовность к труду, одним словом, что угодно, но только не предзаданность, навалившаяся на трудящегося в связи с извращенными общественными отношениями.

* Lab. здесь - *Laborem Exercens* (Совершая труд) - третья энциклика Иоанна Павла II, от 14 сентября 1981 года, посвященная социальному чению Католической церкви, касающемуся наёмного труда и капитала.

45. Бог нас видит свободными. Не государство, не общество, не даже наши близкие, но Бог. Посему в человеке изначально есть зерно освобождения. Сложение двух волей – Отцовской и сыновьей – дает лучший результат. Никто не желает нам большей свободы, чем Тот, кто сделал нас таковыми онтологически.

46. Итак, человек сотворен для труда, он обязан трудиться, потому что Бог, предваря творение, трудился. Посему чем мечтать об избавлении от труда, лучше вернуть себе понимание труда. И тогда по слову будет: «ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф. 11:30).

47. Станет легко тому, кто понимание труда соберет посредством триады вера, надежда, любовь.

48. Вера напоминает о жизни полевых лилий, которые ни трудятся, ни прядут. И потому считается, что вера разрушительна для мотивации труда. Ищите, прежде всего, Царства Небесного, а все остальное приложится – всякий христианин помнит эти слова Учителя. И это есть лучшая критика марксова труда: он бессмысленен, ибо вне путей спасения. От него лучше отказаться. Но христов труд не противоречит вере, он придает вере форму, он выводит трудящегося на ниву Отца.

49. Потому Иаков сказал: вера без дел напрасна, вера без дел мертва. Мысль брата Спасителя указывает нам на то, что вера, игнорирующая труд, подобна дому, воздвигнутому на песке. Приходят мутные потоки обыденной жизни, приходят развлечения, накатывает суета сует – и сносят такой дом.

50. В труде рождается надежда, трудом она укрепляется, в труде она вырастает в могучее древо веры, в кронах которого совьют свои гнезда множество птиц небесных.

51. Правильно понятый и исполненный труд – подобен любви, которая долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит (см. 1 Кор. 13). Так и труд способен покрывать, исправлять, не искать своего, даровать плоды свои всякому. И подобно любви, он никогда не прекращается, ведь начав с Сада, нам еще так далеко до Вселенной.

52. Труд подобен тиглю, в котором глиняный человек выплавляется в человека нового, слаженного «по образу и подобию» Творца. В религиозной аскетике усердие, делание, в первую очередь «умное делание», в целом труд, по совокупности различные формы труда направлены на трансформацию естества, на совершенствование души, на преодоление дольного. Это верный путь, путь к спасению.

53. Святой труд в основе своей сотериологичен как сотериологичны вера и благая весть. Базовая интенция святого труда направлена на спасение, где спасение рассматривается не только как исключительное проявление благодати, но как совместный с Богом труд по пресуществлению раба – в сына, бесправного – в наследника, глины – в звонкий сосуд для Духа.

54. Важно разбираться в тонкостях. Трудиться не значит спастись. Тем не менее труд сотериологичен. Ибо подражание Трудящемуся Отцу вводит нас с Отцом в единство, а всякого верно трудящегося – в сыновство. Не это ли мы назовем путем к спасению?

55. Бенедиктинский устав – кристаллизация опыта спасения в труде. Повторим, спасение в труде не означает, что труд сам по себе спасает, но означает, что труд является хорошим мерилом деятельной веры: «покажи мне веру твою без дел твоих, а я покажу тебе веру мою из дел моих» (Иак. 2:18).

56. Труд в основе своей праведен. В ежедневном последовательном труде человек практикует праведность. Честность отношений, внимание к пунктам договора, мудрость и сдержанность в руководстве, исполнительность, полная достоинства, достижение сказанного, исполнение обещанного, скрупулезность соблюдения технологического регламента, чтимость нормативной культуры, – из всего этого складывается мастерство и такое, чтобы к вечеру, уже усталым, но счастливым признаться себе, Богу и товарищу: это было «весьма хорошо».

57. Труд в основе своей экклесичен. Труд возможен только при призыве и собирании многих и различных в организационные машины, позволяющие достигать богатства и удовлетворения и одновременно исполнять Замысел о мире и человеке. Когда различные знатоки дела (равно профессионалы) «созываются» под проектную идею, будучи носителями разных даров, – тогда становится возможным чудо сотворения нового, по-настоящему нового. Это пример экклесийного сбора (ἐκκαλέω – «призывать», «созывать», «собирать»). Еще не экклесия, но уже решительный шаг в сторону ее.

58. Маркс доказал, что современные экономические отношения страдают отчуждением. Человек в них чудовищно одинок, несмотря на то, что зависит от всех и вся и не может избавиться ни от навязчивой рекламы, ни от повсеместного сервиса. Информационная плотность, описываемая современными референтными группами, на самом деле, антропная пустота. Люди, населяющие эти пустоты, не в состоянии выстроить никаких отношений, хронически боятся сблизиться, услышать призыв, они уже не в состоянии создать полноценную общину верных (экклесию). Принудительный труд и ажиотажное потребление – последнее прибежище таких людей в мире. И именно для таких людей звучит призыв собраться в экклесийном труде. Именно ради них пришел Сын человеческий.

59. В обществе потребления человек имеет все, кроме того, что ему необходимо. Проблема этого мира не в том, что он не может обеспечить бедных, а в том, что он не может насытить богатых. Одновременно Церкви важно признавать, что многие из бедных не прилагают достаточных усилий, чтобы вырваться из бедности, хотя это в их силах (дары на это есть), но и многие из богатых не прилагали достаточно усилий, чтобы обладать существующим богатством. Но ни зависть со стороны бедных, ни презрение со стороны богатых – ничего не изменит в положении дел.

60. Труд в основе своей койноничен (κοινωνία). Труд во многом бессмыслен и почти что невозможен вне системы разделения труда (здесь разделение понимается как разделенный с кем-то труд). Участие в труде, разделенном с другими, есть форма «разделенной жизни», принятой лично и добровольно. Труд превращает человека в существо коллективное (в общественно-го животного Аристотеля), значит, на постоянной основе зависящее от других. Таким образом, труд включает человека в отношения. Причем в продуктивные и ответственные отношения, ведь каждый из нас все больше и больше зависит от результатов чужого труда и вынужден доверять. Выращивать в себе доверие и конструктивное отношение к другим.

61. Койнония есть связность различаемого. Она дает людям труда неслиянно-нераздельное существование в труде. Еще-неразделенное не требует связности, однородное тоже не требует связности. Связность нужна тому, что имеет различие, функциональное и позиционное, и тем самым нуждается в собранности, в создании конструкции общего дела. Отсюда наша гипотеза, что не по месту, а по сфере труда, по виду деятельности, по принятию на себя неразрешимых задач в наше время устанавливаются крепкие койнонические отношения. Поэтому на Третьем Евангельском Соборе в 2012 году речь шла о посферных церквях, существование которых наблюдается наряду с поместными.

62. Труд в основе своей деятелен. Труд жив углублением себя. Ведь всякий труд существует не сам по себе, а только в схеме разделения труда. Считается общим местом, что чем система разделения труда развитее, тем каждый отдельный труд, входящий в нее, более эффективен. У русского слова «разделение» два смысла и оба здесь важны. Первый – отделение от кого или чего-либо, тем самым различение с ним. Второй – соединение с чем или кем-либо (пример – «разделить с кем-то краюху хлеба»).

63. Мир так устроен, что мы не можем сосредоточиться на чем-то своем, не будь с нами рядом плодов чужого труда. Написано ближний, читай – необходимый. Если не он, то все равно кто-то иной. Если никто, то и ты никто. Робинзон не только нуждался в Пятнице и жил надеждой на будущее возвращение (к кому-то и всем), он выжил благодаря знаниям и спасенным инструментам, значит, благодаря ранее означенному и овеществленному труду. Поэтому высказывание «труд из обезьяны сделал человека» или «система разделения труда создала общество и человека» суть высказывания тождественные. А лозунг освобождения человека от труда по последствиям тождественен лозунгу геноцида. Ибо такое действие, будь оно возможным, а не гипотетическим, привело бы к массовой деградации и исчезновению человека.

64. Производительность труда – благо, которое дает обществу достаток. Производительность труда – важнейший индикатор национального здоровья. Высокая производительность – печать качества, свидетельство подготовки людей и толковой организации системы производства. Церкви, христианам следует благословлять ближних и друг друга на высокую производительность труда.

65. Церкви необходимо и дальше развивать мысль Реформации о том, что в первую очередь нужно стремиться не к перераспределению дохода и тем самым поощрять культуру нищенствования, а к оказанию помощи всякому человеку в раскрытии его даров через труд и систему справедливого вознаграждения. Удочка предпочтительнее рыбы. Причем так сложилось эволюционно: орудие труда в руках человека обладает преображающей силой.

66. Труд есть деятельность по расширению пространства Жизни. Это экспансия разумного живого – в неживое и рефлексивного живого – в инстинктивное живое. Это экспансия умного – в безумное. Это распространение Истины и самой Жизни от края до края и от первого века до последнего Часа. Всякая экспансия может оказаться или насилием, или *Missio Dei*. И именно от нас зависит, чем станет наш труд, благодаря которому мы войдем либо в Царство живых, либо в деспотию мертвых.

67. Церковь хранит опыт ортопраксии труда как соработничества человека с Богом. В таком соработничестве человек пока-еще-подмастерье, воплощает образ и подобие Мастера. Другими словами, для этой категории ортопрактиков труд есть опыт пресуществления ради порождения нового или копирования существующего. Такой труд есть само Таинство.

68. Но дабы труд действительно стал таинством, он должен стать священнодействием. Труд как священнодействие подобен евхаристийной чаше, в которой сущность вина таинственно удваивается сущностью Крови. Так и в труде, когда наряду с материальными результатами труда, можно увидеть и принять таинственные дары пресуществляющейся души.

69. В связи со сказанным, необходима всеобщая трудовая грамотность, нужны соответствующие массовые образовательные программы, нужны проповеди в церквях, необходимо приготавливать людей к свободному труду от избытка, от ощущения радости, от умения творить и служить, от желания быть как Отец – творить играючи, весьма хорошо, споро творить (см. Быт. 1:31).

70. В сердце христианского труда лежит работа с сакральным, которое должно не удалять от себя в благоговейном страхе, но приближать с уверенностью спасенного. Важно не только уповать и надеяться на Царство Неба и неизбежность Второй Парусии, но в ежедневной молитве сводить Небо на землю. Не только собственными помыслами и делами подтягивать земное до Небесного, но в существующем вырезать подлинное, тем самым указывать на священное. Обретение священного есть особый богоданный труд, основанный на врученном нам праве выделять в возможном и неопределенном подлинное и несокрушимое.

71. Человек имеет предназначение господствовать. Это прямое поручение Всевышнего, данное нам в самом начале. Имя Церкви происходит от понятия господства (το κυριακόν). В нем слышится Имя главы Церкви, который Господин наш и Царь царей, а мы Его царствующее священство. Поэтому ложно сужать господство человека до земли, буквалистски понимания текст Писания. Человек обязан господствовать над всем, что сотворено. «Речение «господствуйте над землею» обладает неизмеримым смысловым объемом» (Lab. 4). В этом видится также безграничный кредит доверия человеку. «Человек есть образ Божий в силу полученного от своего Создателя повеления господствовать, обладать землею» (Lab. 4).

72. Ничто нам не мешает трудиться не для чего-то, не для кого-то, не почему-то и даже не во чью-то славу, но трудиться от избытка, de profundis, из той глубины, где зарождается базовый импульс, из сущности нашего существования; трудиться, раскрывая в созидании горний Замысел, трудиться, соблюдая границы и принципы: ничего не делать из того, что не делает Отец (Ин. 5:19), но уж то, что Отец делает – делать! Лично делать! Самозабвенно делать! Вот труд, которым благословлен был райский Адам. Вот труд, восстановленный и возвращенный своей Церкви Вторым Адамом! Аминь.

[В лето пятисотое от Реформации]

Апология предпринимательского труда

Денис Ковалевич

1. В обществе с сильным влиянием социалистических идей, особенно в таком советском обществе, как современная Россия, нормальная интерпретация предпринимательства звучит так: «тот, кто что-то урвал», презрительное «коммерс» или «торгаш». Последние годы к этому смысловому ряду добавилось ещё одна коннотация – предприниматель как тот, кто умело ловит «хайпы», то есть зарабатывает, используя периоды инвестиционного ажиотажа. Такие интерпретации предпринимательства являются сегодня широко распространёнными, де-факто – частью нормы не только в России, но и во многих странах Европы, а последние годы и в США.

2. Параллельно с такой интерпретацией предпринимательства мы все знаем или, по крайней мере, слышали о таких известных деловых людях, как Ричард Аркрайт, Эндрю Карнеги, Генри Форд, Стив Джобс, и нормой является высказываться о них вполне уважительно и также назвать *предпринимателями*. Современный человек живет в ситуации одновременно противоположного отношения к феномену предпринимательства и часто не может осуществить простые ad hoc различия, видя конкретный феномен, ответить себе на вопрос – это предприниматель или нет. Корни такой неразличительности не лежат на поверхности, и, чтобы их увидеть, требуется археологическая работа.

3. Чтобы начать этот разговор, необходимо вспомнить о том, что сама возможность осуществления труда – то есть рабочее место как таковое – появляется впервые вследствие разделения труда. Как только нас собралось двое и больше, нам надо решить, кто и на чем будет специализироваться. Разделение труда – это условие выживания человеческих общностей. Адам Смит назвал два типа разделения труда – естественное и технологическое. У каждого из этих типов разделения своя история и свои базовые причины.

4. Первый тип разделения труда (естественный) ассоциируется, в первую очередь, с данными человеку природными условиями, которые он может использовать с той или иной пользой для себя и своих близких. Однако эту трактовку, безусловно, необходимо распространить и на всё, что обычно называется «второй природой», то есть на те условия и среду, которые когда-то были искусственно созданы, но для сегодняшнего действующего являются «вполне естественными». Город, в котором развита та или иная профессиональная гильдия, является естественной средой, внутри которой родившийся или пришедший в него человек «автоматом» может занять какое-то рабочее место и начать осуществлять соответствующий этому месту труд. «Автоматом», поскольку место для труда создаётся не им самим.

5. Термин «автоматический» здесь имеет и второй смысл, заключающийся в том, что начало такого типа действия – ментально. Оно не требует специального «времени начинания». Возможность осуществлять труд возникает перед человеком в виде его рабочего пространства или места. Даже когда человеку требуется время на обучение ремеслу или профессии – время на то, чтобы решить, **ЧТО** он будет делать, ему не нужно. Это время уже свернуто в готовом и стоящем у него перед глазами образе рабочего места, названия должности или типа бизнеса.

6. Адам Смит утверждал, что богатство нации определяется только и исключительно другим типом разделения труда – технологическим, и приводил пример с булавкой. Когда о нем читаешь, то складывается ощущение, что смысл примера состоит в первую очередь в изменении *способа* производства булавки: вместо того, чтобы делать булавку в одиночку, ее начинают производить 18 человек, выстроенные в последовательность операций. То есть кажется, что началось все с изменения *метода* работы. Это неверная интерпретация.

7. Разделение производства булавки на 18 операций, описанное в энциклопедии Дидро и д'Аламбера, это уже результат, конечное состояние, завершённый процесс, а не то, с чего он начался. Такой сложнейший операционный процесс, без сомнения, не появился в один момент. Как специально отмечает Петр Щедровицкий в своих лекциях о разделении труда, дело не в том, что ремесленники все вместе начали производить 48 тысяч булавок в день вместо 360-ти. Дело в том, что один из них начал производить 48 тысяч копий одной булавки. Стандартная булавка – это кардинально иной продукт, нежели индивидуальная, эксклюзивная булавка, каждая из которых отличается от другой. Это значит, что кто-то решился сделать новый продукт – типовую булавку в массовом масштабе. Кто-то по-другому ответил не на вопрос «КАК делать», а на вопрос «ЧТО делать». А дальше, чтобы сделать это новое «ЧТО», придумал новое «КАК».

8. Технологические новшества внутри «естественного» типа разделения труда происходили на протяжении всей истории. Те, кто находил новые технические решения, могли богатеть и преуспевать. Но не об этом говорит Адам Смит. Без фигуры того, кто как бы вдруг, как бы ни с того ни с сего начинает делать новое «ЧТО» (то есть без труда предпринимателя), невозможно понять смысл тезиса Адама Смита о том, что развитие является эпифеноменом процессов углубления технологического, а не естественного разделения труда, и что именно технологическое разделение труда – единственный источник долгосрочного богатства.

9. Многим может показаться, что эта мысль очевидна. Но почему же тогда в жизни нормального человека эта очевидность исчезает? Почему обычный человек привык апеллировать к государству как к тому, кто создаёт благосостояние и рабочие места, забывая в этот момент о том, что эти государственные рабочие места создаются на деньги, которые в виде налогов государству или в виде зарплат так называемым «конечным потребителям» платят предприниматели? Почему социальные философы могут себе позволить говорить об эксплуатации предпринимателем своих сотрудников, когда, как сказал Шумпетер, если уж кто кого эксплуатирует – так это рабочие, капиталисты и рантье эксплуатируют труд предпринимателей?

10. Любая очевидность имеет онтологическую природу и легко теряется при ослаблении институтов воспроизводства «несущей онтологии». Как только несколько узлов в картине мира расшатываются, казалось бы, объективные вещи получают статус субъективных, то есть вне-онтологических, а исходная картина мира переворачивается на 180 градусов. Именно это произошло с четырьмя онтологическими принципами, благодаря которым предпринимательство стало самостоятельным типом деятельности и двигателем развития около 500 лет назад. Первый принцип: неэкономный труд трудом не является. Второй принцип: воспроизводство деятельности обеспечивают юридические лица, а не люди. Третий принцип: разноранговость труда предпринимателя и труда наёмного работника объективна. Четвёртый принцип: предприниматель обречён на непостигаемость другим его труда, а, следовательно, его труд имеет шанс на существование в структуре сознания другого исключительно в виде презумпции.

11. Первый принцип – принцип экономии труда и его базовый эффект в виде повышения производительности – вместе обеспечивают саму возможность воспроизводства человеческой деятельности. Сделать одну вещь, не ограничивая себя во времени и в ресурсах, можно всегда. Но откуда может взяться ресурс, например, капитал, для обновления парка оборудования, создания нового производства или научной лаборатории? Только из ранее заработанных предпринимателями доходов. А откуда вдруг может взяться доход, то есть разница между издержками и тем, что платит пользователь? Из практики мы знаем, что себестоимость первого образца любого нового продукта всегда существенно выше, чем то, сколько за него кто-либо готов заплатить.

12. Разовое действие никогда не создаёт ресурса для своего повторения. Труд состоит не только и не столько в том, чтобы совершить акт конкретного действия, а в том, чтобы повторять и повторять действия, уменьшая объём ресурсов, которые в них затрачиваются. Труд состоит в терпеливом движении по линии снижения недопустимо высокой цены первого и уникального продукта. Время, необходимое для этого пути, на предпринимательском языке называется инвестициями. Инвестиции – это вклад в покрытие временной и капитальной дельты. Инвестиции длятся до момента, пока предприниматель не доведёт деятельность до такой экономности, при которой она (деятельность) начнет формировать ресурс для собственного воспроизводства.

13. Любое средство, которое мы используем в своей жизни, в том числе для осуществления труда, требует времени не только на его создание, но и на его поддержание в состоянии быть средством. В этом состоит воспроизводимость средств. Неважно, говорим мы о материальных средствах или о мыслительных. Чем более обременительное с точки зрения воспроизводства своего использования средство мы создаём, тем меньше у того, кто его использует, остаётся времени на осуществление с ним труда. Предельный пример – Робинзон Крузо, тративший поначалу на поддержание своих созданных им самим средств в рабочем состоянии столько времени, что у него не оставалось времени ими трудиться.

14. Сделать что-то не просто быстрее, чем раньше, но и так, чтобы пользование продуктом твоего труда не пожирало время пользователя, – это экономность. Экономя время пользователя, мы воспроизводим его время. Любое достижение на пути экономии в одном труде мультиплицируется, умножается в пределе на бесконечность высвобождаемого времени труда других. Напротив, если продукт моей работы пожирает дополнительное время его пользователя, то я ворую помноженное на бесконечность время. Нельзя считать усилия по созданию таких пылесосов чужого времени трудом. Наоборот, тот, кто своим трудом экономит время пользователей своих продуктов, тот формирует «банк времени» – время, освобождённое для нового труда.

15. Важным моментом здесь является и то, что отказ от совершения какого-либо действия также может являться трудом. Вовлекаясь в коллективные действия по инерции, мы не просто теряем своё время, мы зачерпываем из банка «общего» времени. Напротив, удержание себя от вваливания в какую-то, часто очень милую нашей душе работу и усилия по деланию своего, а не чужого труда, являются трудом.

16. Еще ещё один поворот в теме экономии связан с тем, как в предпринимательстве звучит тема принципиальности. На протяжении всей своей истории предприниматели работали и работают с теми, с кем не согласны по многим вопросам, с теми, с кем никогда не стали бы близкими по духу людьми, но кто может внести объективный вклад в повышение экономности труда. Категоричность предпринимателя заключается не в том, чтобы не работать с теми, кто ему не по нраву или с тем, с кем не совпадают его моральные устои, а в том, чтобы создать место для труда всем, кто может внести вклад в более экономный способ деятельности. Мера этого принципа в том, что предприниматели это первые, кто теряет, когда реализация принципа экономии труда упирается в границы безопасности предпринимательского действия – в периоды революций, стихийных погромов или массового рейдерства.

17. Резюмируя: наши усилия, наши отдельные действия, какими бы благими мотивами они не оправдывались, ещё не являются трудом. Трудом они становятся, когда получают рамку экономии, – она «зашита» в понятие труда. Сегодня эту рамку часто называют «экология». Эта рамка позволяет нам – людям – рассчитывать на то, что мы не вычерпаем все доступные нам на Земле и в себе ресурсы. Возникновение технологического предпринимательства как самостоятельного вида деятельности тесно связано с этой простой мыслью.

18. Второй принцип состоит в том, что воспроизводимая деятельность возможна только благодаря существованию особого типа лиц – юридических. Деятельность и разделение труда складывается не физлицами, а компаниями. Мы – люди – с нашей личной нелинейной историей, психикой, семьёй, социальными связями не можем сами по себе являться стабильными «элементами», позволяющими разделению труда быть сколь-либо устойчивым, а деятельности – повторяемой. Наше существование и наше мышление сложно представить без таких категорий, как абстракция или вечность. Во множестве ситуаций мы пользуемся обобщениями и отвлеченными понятиями. Много в мире мы дозволяем себе мыслить как принципиально бесконечное. Это не проблема – это объективность нас как людей.

19. Всем этим присущим людям атрибутам предприниматель противопоставляет труд по конкретизации и ограничиванию. Если внимательно отнестись к выражению «учреждение юридического лица», то несложно увидеть, как вместо физического лица предприниматель порождает иной тип ЛИЦА. Он создаёт лицо, имеющее законное право говорить и быть судимым и при этом – несводимое ни к его учредителям, ни к его сотрудникам. Действие предпринимателя по учреждению юридического лица, в его сущностном смысле, означает появление границ нового места, которое в силу своей граничности может ответственно вступать в деловые отношения с другими такими же лицами.

20. Этот банальный момент очень часто ускользает из нормального сознания и коммуникации: кажется, что дела делают люди. «Ударить по рукам», «договориться по понятиям», «предъявить претензии» – все это атрибутируется с физическими, а не с юридическими лицами, не с компаниями. Однако заключить договор и дать конкретную гарантию его исполнения может только то лицо, которое имеет, с одной стороны, конкретные границы, то есть делает **ЧТО-ТО, а не все на свете**, и, с другой стороны, – то лицо, которое наполнено чем-то определенным, а не всем чем попало.

21. Учреждённое и тем самым отчуждённое как от предпринимателя, так и от его работников, юридическое лицо получает шанс принять инвестиции, поскольку инвестиции – это всегда вклад в конкретную деятельность, а не в отдельного человека или группу индивидов. Инвестиции технологически «сшиты» с юридическими лицами в форме необходимости вносить «уставной капитал». Физические лица таким «свойством» не обладают. Целёвость инвестиционного капитала конкретного юридического лица делает неизбежным разделение труда. Наконец, юридическое лицо в силу своей ограниченности впервые может оформить внутри себя *конечную группу новых мест*, в которых становится возможен труд.

22. Не будет преувеличением сказать, что учреждение юридического лица – это материализация философского принципа различия места и его наполнения. Компании и возникающие в них позиции и есть те самые, пустые по принципу, еще не наполненные, но уже *определенные* места.

23. Третий несущий принцип в картине мира, где есть место предпринимательству, состоит в том, что разноранговость труда предпринимателя и труда наемного работника – это объективное следствие механизма порождения любой деятельности. Несмотря на то, что внутри пространства труда действует *линия онтологического перегиба* между трудом гарантированным (наемным) и трудом негарантированным (предпринимательским), это разделение не является ни классовыми, ни социальным, ни профессиональным, а, значит, признание этого разграничения как объективного и предпринимателем, и наёмным сотрудником – это условие вступления в труд для них обоих.

24. Предпринимательство – это труд, за который никто не платит, пока он не завершён, в отличие от любого наёмного труда, где плата начинается с момента начала работы и де-факто не зависит от результатов. Бизнес, который строит предприниматель, может окупиться в каком-то будущем, а может и не окупиться. Достижение нужного для окупаемости вложений уровня доходности не гарантировано предпринимателю ничем. В отличие от его работников, чей доход, а, значит, и положение их семей, социальный статус, уровень потребления и т.д. гарантирован предпринимателем с момента старта строительства бизнеса. Предприниматель выдаёт гарантии дохода, создаёт другим экономическую устойчивость, но сам их не может получить ниоткуда.

25. Предприниматель никогда не знает заранее время, которое реально потребуется для достижения не-гарантированной точки воспроизводства – начала возврата на его временные и капитальные инвестиции. Как писал Уильям Джевонс 140 лет назад: у каждого процесса строительства бизнеса есть лимит времени разынвестирования – это время объективно конечно, но заранее никогда не известно. Средняя длительность успешного строительства нового технологического бизнеса сегодня – 20 лет. Серийные предприниматели пробуют сократить этот срок вдвое. Даже если им это удастся, это не сделает труд предпринимателя гарантированным – его приговор жить без гарантий останется пожизненным.

26. Многие могут выдержать разовое попадание в ситуацию не-гарантированности. Пройти ее на внутреннем героизме, выстоять. Но смогут ли многие принять такой тип существования как базовый, перейти в режим жизни без права на гарантию? Нет, не могут. Во многом поэтому предприниматели по структуре своей самоорганизации – это антигерои. Любой героизм, любая сверхмобилизация снижают их шансы добраться до точки, о существовании которой они знают только то, что она есть и что она конкретна, но никогда не знают, сколько ещё им до неё трудиться.

27. Могут ли внести устойчивость в не-гарантированное существование предпринимателя инженеры или другие наемные работники? Пожалуй, только молчаливым невмешательством. Молчаливым – в смысле сфокусированным, определённым. Концентрацией на том предмете, в отношении которого инженер должен ответить на свой вопрос (КАК сделать) и непозволение себе отвлекаться на вопросы, лежащие за гранью его позиции. Например, непозволение себе тратить время и думать о «будущем компании», «болезнях организации», «качестве корпоративной культуры» и т.д. По-другому говоря, вклад наёмного работника в устойчивость не-гарантированности труда предпринимателя состоит в первую очередь в личном усилии, необходимом для удержания принципа объективной разноранговости труда.

28. Вклад в устойчивость не-гарантированности труда конкретного предпринимательского труда, несомненно, делают другие предприниматели. Любой деловой договор между двумя компаниям, ведущими разную деятельность, создаёт дополнительную гарантию в не-гарантированном предпринимательском мире. Чем больше компаний ведут дела в какой-то конкретной индустрии, тем выше уровень общей взаимной гарантированности. Многие новые индустрии, появляясь на свет благодаря работе предпринимателей, так и не достигают критического уровня «плотности гарантий», создающих устойчивость индустрии в целом, и умирают. А некоторые достигают и живут 200-250 лет, то есть такой период, за который их вклад в общее пространство труда становится исторически неопровержимым.

29. Наконец, четвёртый принцип, без которого само существование предпринимательства как труда невозможно, – принцип презумпции по отношению к невидимому как глазом, так и мыслью, труду предпринимателя. Термин *praesumptio* имеет несколько разных по степени «энергичности» значений: «дерзость», «присвоение», «преимущество», «предположение». Все эти смыслы в той или иной мере получили свое отражение и в правовой технологии презюмирования. Её суть в том, что, даже в случае наличия у кого бы то ни было вполне достоверного знания о произошедшем событии, оно не признается фактическим, пока в специально организованной процедуре не доказано обратное.

30. Так, например, с точки зрения логики и знания, вероятность невиновности подозреваемого, в отношении которого уже проведена вся работа следователей по сбору доказательств его вины, чрезвычайно мала, но, несмотря на это, презумпция невиновности действует. Подозреваемый может быть в итоге признан виновным, но от этого презумпция невиновности этого же обвинённого не прекращает действовать в отношении любых других его действий, не связанных с этим конкретным делом. И тем более она не прекращает работать по отношению к любому другому гражданину, даже если действия этого другого в глазах любого нормального человека точь-в-точь повторяют действия первого, и легко напрашивается вывод, что они также преступны. Презумпция невиновности – основа, ядро института судейства. Вынь ее – и суды, как это бывает во многих странах, становятся частью системы обвинения и наказания. Принцип невиновности «по умолчанию» – это пример презумпции.

31. Презумпция – это организующая наше мышление конструкция, противостоящая любому конкретному знанию. В сфере действия презумпции мы должны (здесь модальность уже не «могу», а именно «должен») исходить из того, что мы что-то неизбежно **НЕ знаем**. Технология презумпции – это правовая реализация принципа позиционности знания. Принципа, говорящего нам о том, что каким бы знанием мы не обладали, всегда остаётся шанс, что есть иная позиция, имеющая другое, возможно, противостоящее нашему знанию (в этом смысл процедуры публичного вызова в суд свидетелей по делу).

32. Труд предпринимателя, который завершается ответом на вопрос «ЧТО делать», имеет свою продолжительность. Выше он был назван «временем начинания». Специфика этого времени состоит в том, что оно никогда не видимо для глаз нормального человека. Один предприниматель даже в отношении другого предпринимателя не может знать о вложенном времени. Человек, сам не занимающийся этим конкретным предпринимательским трудом, может увидеть только результат этого труда, его продукт, «конец начинания». Наемный работник видит уже *готовые места* для осуществления труда.

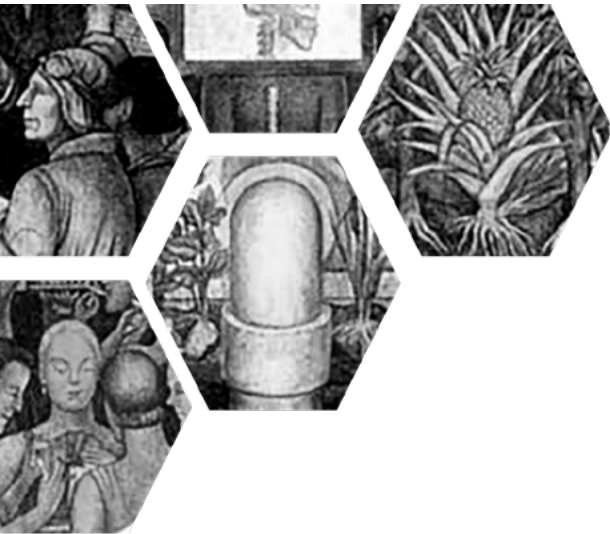
33. Инженер видит задачу, которую ему в той или иной форме ставит предприниматель. Получив задачу, инженер подбирает средства и инструменты, которые могут быть пригодны для ее решения. С момента постановки задачи предприниматель платит инженеру его зарплату и платит ее вне зависимости от того, получит ли он (предприниматель) доход от продажи того «ЧТО», которое он решил произвести на свет. Если этого не произойдет, то разорится предприниматель, но не инженер. Труд предпринимателя обнулится, но труд инженера будет свершён вне зависимости от этого.

34. То же самое и с организатором, менеджером – главной новой профессией XX века. Это такой же инженер, только имеющий дело с «гуманитарными» предметами. Он, так же как и «технический инженер», получает задачу в форме «объекта управления», ведь управлять можно только тем, что существует и, более того, только тем, что движется. Менеджер начинает получать свой доход с момента выхода на работу. Его рабочее место, вкупе с рабочим местом консультанта и тренера, как и рабочее место инженера, – это результат или, по-другому говоря, эффект от работы, которую до их (рабочих мест) возникновения проделывает предприниматель.

35. Очевидность того, что места для осуществления труда инженеров, управленцев и других наёмных работников являются эпифеноменом, то есть следствием труда предпринимателя, наиболее легко теряется. Причины этого лежат не столько в плоскости социальных катаклизмов (отмены частной собственности и т.п.), сколько в том, что труд предпринимателя и время этого труда невидны и непостигаемы умом. Поэтому четвёртый принцип гласит, что время труда предпринимателя может существовать, поместиться в нормальное сознание человека только и исключительно *в форме презумпции*.

36. Сложно представить себе бóльший вклад в предпринимательство сегодня, чем начало процесса онтологического освобождения предпринимателей от необходимости доказывания, оправдания предпринимательского труда. Сделать вклад принятием презумпции – это онтологически исходить из того, что время проинвестировано, и даже в случае конкретного провала и потери капитала из этого вложенного времени предприниматель может смочь извлечь новое знание, а оно – деятельностное знание – пригодится ему, когда предприниматель заново будет отвечать на вопрос: ***какую именно деятельность начать сегодня строить?***

Всеобщее священство: христианская миссия и жизнь веры в постсекулярном мире

Михаил Дубровский

1. Поиск путей жизни с Богом, форм церковной жизни и способов осуществления *Missio Dei* в современном обществе привел нас к проблематизации традиционного для протестантов представления о всеобщем священстве.

2. Напомним: принцип всеобщего священства был и остается нормой для протестантских церквей; однако он почти исключительно понимается как «всеобщее **церковное** священство», что означает примерно следующее:

— каждый христианин может прийти к Богу напрямую, ему не нужны для этого никакие посредники в виде епископа (священника), церковных таинств или святых: каждый имеет личные отношения с Богом, которые развиваются и поддерживаются духовной дисциплиной и изучением Священного Писания;

— каждый христианин может, более того, призван нести в церкви какое-либо служение в соответствии со своими дарами — никто не должен быть пассивным наблюдателем или получателем: каждый христианин — служитель, делатель;

— каждый христианин при необходимости может и должен послужить другому человеку как проводник Божественной благодати: благовествовать, молиться за него, дать библейский ответ на его вопросы, если нужно – то преподавать таинства: каждый христианин – миссионер.

3. Эти безусловно верные и важные положения в полной мере присутствуют в богословии и отчасти в практике большинства протестантских церквей. Следование этим принципам дало немало хороших плодов, которые признают и противники протестантизма. Иными словами, такое представление о всеобщем священстве верно. Но неполно.

4. Наша проблематизация состояла в том, что сложившееся богословие и практика всеобщего священства охватывает только половину этого понятия: «каждый христианин – священник», исключая при этом не менее важную вторую часть: «каждая сфера деятельности может и должна быть священнодействием».

5. Опасность редукции священнического служения исключительно до церковной (миссионерской) деятельности состоит в том, что такая позиция ведет к фактическому отказу от идеи Царства Божьего (Божьего владычества во всех сферах жизни), к согласию на деятельность исключительно в религиозной нише, «толерантно» оставленной верующим в секулярном обществе. Мыслить всеобщее священство только как церковное – это богословская и практическая ошибка сразу в двух смыслах.

6. С одной стороны, такая редукция обесмысливает большую часть жизни христианина, поскольку для человека веры смысл жизни и деятельности напрямую связан с отношениями с Богом и служением Ему. Если же профессиональная деятельность, забота о доме и детях и прочие повседневные обязанности не имеют духовного смысла и/или не могут расцениваться как поклонение Богу, то и смысла такая деятельность не имеет. Пренебрежение повседневностью и религиозный эскапизм – естественные результаты такого богословия.

7. С другой стороны, утверждать, что священнодействие возможно только в сугубо религиозной сфере человеческой деятельности, – значит соглашаться с тем, что Христос не является Господом и Владыкой всего мира. Есть только два основания, по которым можно признать, что повседневная деятельность не является *столь же священной* (хотя бы в потенциале), как и проповедь Евангелия, служение в церкви или участие в таинствах. Либо Бог не является Творцом этого мира – такова позиция гностиков и манихеев, для которых материя является греховной по самой природе. Либо искупление, совершенное Господом, не распространяется на весь этот мир, что означает, что сила греха больше, чем сила жертвы Христовой. Оба этих утверждения резко противостоят всему, сказанному в Писании.

8. Укажем наиболее заметные последствия такого «упущения». Во-первых, происходит искажение сотериологии: спасение больше не мыслится как преодоление всех последствий греха; теперь это – лишь путь избавления верующего от злого мира, который однажды будет полностью уничтожен. Во-вторых, искажению подвергается учение о Церкви и ее миссии: служение Церкви сужается исключительно до призыва к отдельному человеку покаяться в грехах и стать последователем Христа. Все остальное Церковь считает не своей задачей. Наконец, Бог предстает в искаженном свете: складывается впечатление, что Его интересуют только наши действия, которые мы относим к категории «духовных»: молитва, чтение Писания, проповедь и т. п., а также насколько морально приемлемый образ жизни мы ведем. Все остальные события в мире протекают как бы без Его участия.

9. В чистом виде такие представления встречаются нечасто, поскольку каждый человек понимает, что надо где-то жить, что-то есть, воспитывать детей, давать им образование... Но сформированное и освященное традицией представление оказывает сильное влияние на то, как христиане воспринимают такую деятельность. Большинству она видится чем-то второстепенным, неизбежным злом, заниматься «всем этим» духовному человеку приходится лишь в силу несовершенства, падшего состояния мира. Но сама эта деятельность в глазах большинства верующих не может и не должна быть священнодействием.

10. Результат обескураживает: христиане претендуют на полноту жизни (Ин. 10:10), на целостность (одно из возможных значений слова σωτηρια, обычно переводимое как «спасение»), в то время как живут двойной жизнью: по воскресеньям и во время других религиозных собраний они исповедуют одни ценности, а в остальное время руководствуются совершенно другими. На богословском языке такая «шизофрения» называется «сакрально-секулярная дихотомия».

11. Библейское представление о всеобщем священстве включает обе грани: (1) каждый христианин – священник; (2) каждая деятельность – священнодействие. В восстановлении подлинного смысла этого важнейшего понятия – один из основных вызовов современной реформации.

12. Двойное полагание принципа всеобщего священства дает основание говорить о Церкви как о народе Божьем, а не только о религиозном собрании. Богослужение больше не является *единственным* местом, где человек может пережить присутствие и действие Бога; жизнь Христа пропитывает каждое событие повседневной жизни христианина.

13. Такое понимания всеобщего священства есть фундамент для разработки богословия Царства Божьего – Божьего владычества во всех сферах жизни.

14. Более целостное представление о всеобщем священстве позволяет по-новому увидеть городскую миссию и служение церкви в современном городе. Представление, что повседневный труд может быть священнодействием, дает церкви основания для проповеди профессионалам и возможность стать подлинной еkkлесией – сообществом, определяющим духовный климат города (а не только самой общины).

15. Утверждение, что каждая деятельность может и должна быть священнодействием, восстанавливает изначальный смысл всякой человеческой деятельности и дает основания для богословского осмысления профессионального труда.

16. Профессиональный труд был выбран нами «пробным камнем» для проверки такого представления о всеобщем священстве. Мы полагали (и продолжаем так думать), что если удастся положить основания для священнодействия в процессе сложной деятельности профессионала в ситуации глубокого разделения труда, строгих технических регламентов и должностных инструкций, жестких временных нормативов и высокой конкуренции, то перенос этих принципов на другие сферы деятельности произойдет почти автоматически.

17. Священнодействовать в процессе профессионального труда – значит добиться того, чтобы каждый христианин по меньшей мере 8 часов в день, 40 часов в неделю мог в процессе своей профессиональной деятельности переживать Божье присутствие и через свой труд поклоняться Богу и служить ближнему, являя тем самым реальность Божьего Царства. Мы ставили перед собой задачу – положить богословские основания для того, чтобы такая трансформация труда стала возможной.

18. Идея превратить труд в священнодействие – это не возрождение протестантской трудовой этики. Богословское оправдание труда – работа по восстановлению первоначального смысла трудовой деятельности и того нового значения, который труд человека обретает в свете искупительной жертвы Христа. Следующие несколько тезисов суммируют основные положения богословия труда.

19. Труд не является проклятием или наказанием за грех. Заповедь трудиться дана Богом не после грехопадения, а еще в Эдемском саду (Быт. 2:15). Иными словами, труд есть неотъемлемая характеристика *райского* состояния человека. Не будет слишком дерзким предположить, что этот тезис верен не только в отношении того рая, который мы утратили, но и того, что ожидает нас в будущем!

20. Сегодня труд воспринимается исключительно как средство обеспечения необходимых нужд. Однако в Эдеме все нужды человека были восполнены, и, тем не менее, Бог заповедал Адаму трудиться. Одним из результатов трудовой деятельности действительно является наше обеспечение, но сводить труд только до этого – значит сильно обеднить собственную жизнь.

21. Труд есть выражение нашего богоподобия. Первое, что мы узнаем о Боге в Писании – что Бог трудится. Первая глава Библии – описание божественной «рабочей недели» и затем – Его отдыха. Спаситель особо подчеркивал, что полевые цветы «не трудятся и не прядут», а птицы небесные «ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы» (Мф. 6:26-28). Человек – единственное из творений, кого Бог удостоил возможностью трудиться, подняв нас тем самым на Свой уровень (Быт. 2:15).

22. Народы, окружавшие Израиль, считали, что боги создали людей, чтобы они трудились вместо них. А потому труд мыслился как проклятье и был уделом рабов. Для свободного человека Египта, Вавилона, Греции или Рима труд считался делом зазорным, недостойным. Для евреев, напротив, труд возвращал человеку достоинство, поскольку человек призван трудиться не вместо Бога, а вместе с Ним. Человеку дарована честь быть соратником Богу, участвуя вместе с Ним в деле созидания мира.

23. Труд есть воплощение Замысла. Человек – единственное из творений, которое в равной мере принадлежит и материальному миру, и духовному. Будучи сотворен «из праха земного», он одновременно несет в себе образ Божий. А потому он способен «видеть невидимое» и воплощать это невидимое через свой труд. Тем самым через труд человека замысел Божий о мире должен обретать зримое воплощение. Так в творении должна отразиться слава Творца.

24. В Писании эта мысль передана через образ Эдемского сада. Сад был творением Самого Господа (Быт. 2:8). При этом Господь заповедал человеку не только заботиться о саде (Быт. 2:15). Бог дал человеку власть над всей землей и повелел ему «плодиться, размножаться и наполнять землю», а также владеть над землей (Быт. 1:26-28). Иными словами, образец (если угодно, прототип), заданный на примере Эдемского сада, люди должны были распространить на землю в целом. А сегодня мы можем предположить, что эта задача могла бы и не ограничиваться только нашей планетой.

25. Воплощение Замысла требует от человека, по меньшей мере, трех ключевых компетенций: пророческого видения, кооперации с другими и мастерства. Благодаря пророческому видению человек способен «видеть невидимое» (Евр. 11 гл.), проникать в Замысел Творца, взаимодействовать с Ним. Кооперация позволяет занять свое место в разделении труда и превратить свой труд в служение ближнему. Мастерство (профессионализм), в свою очередь, необходимо, чтобы человек смог этот Замысел воплотить в реальности этого мира. Эти требования остаются принципиальными и сегодня. Иными словами, чтобы превратить труд в священнодействие недостаточно просто изменить к нему свое отношение. Без взаимодействия с другими и постоянного профессионального роста воплощение Божьего замысла невозможно.

26. Труд – возможность со-творчества с Творцом. Забота о Саде – это не унылое и однообразное подметание дорожек. Воплощение Замысла невозможно путем точного исполнения предписаний. Даже в нашей обычной деятельности что-то по-настоящему интересное и великое рождается «поверх» инструкций и регламентов. Бог, поселив человека в саду Эдемском, велел Ему «хранить и возделывать» сад, но не дал четких указаний, как именно он должен действовать. Затем Господь приводит к человеку животных, и «как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей» (Быт. 2:19). Бог дал человеку свободу вносить изменения в созданный Им мир! Труд человека изначально должен был быть творческим. Через такое со-работничество – со-творчество Бога и человека – должно было рождаться нечто новое!

27. Власть, данная человеку над всем творением (Быт. 1:28), актуализируется через труд. Правоту этого тезиса мы можем наблюдать вокруг себя ежедневно: сельское хозяйство и энергетика, дома и города, одежда и транспорт – через свою трудовую деятельность человек подчинил и продолжает подчинять себе живую и неживую природу, климат, даже пространство и время. Но при всей очевидности этого тезиса у нас сегодня совершенно другие представления что такое власть и в чем смысл труда. Сегодня, когда человек вплотную подобрался к тайнам жизни и смерти, восстановление истинного смысла этих понятий обретает особую актуальность.

28. Труд есть выражение заботы о творении. Власть не является самоцелью. Христос Своим примером показывал: смысл власти – в служении (Мк. 10:42-45). Человек, получив от Бога власть над творением, получил ее, чтобы заботиться о мире и раскрывать сокрытый в творении потенциал. Согласно словам Священного Писания, на земле ничего не росло, пока «не было человека для возделывания земли» (Быт. 2:5). Возделывая землю, человек актуализирует этот потенциал. Такова другая грань воплощения Замысла, другой способ сказать о наполнении мира славой Божьей.

29. Труд есть служение ближнему и деятельное проявление любви. Реформаторы XVI века указывали, что Бог кормит нас *через* труд земледельцев, пекарей, мясников, одевает руками портных. Иными словами, профессиональный труд людей позволяет нам самим не делать все это своими руками, сосредоточившись на своем деле-призвании (*berufung*). Сегодня мы гораздо больше знаем о том, как разделение труда способствует росту благосостояния. Что еще более отчетливо высвечивает смысл труда как служения ближнему.

30. Труд есть путь раскрытия в человеке образа Божьего. Богословы, чтобы показать разницу между данностью и заданностью в человеческой природе в смысле нашего богоподобия, иногда используют различие «образа и подобия» – терминов, использованных в рассказе о сотворении человека (Быт. 1:26-28). Образ Божий есть в каждом из нас, но это лишь потенциал, семя, которое должно прорасти и дать плод. Реализуя этот потенциал, человек раскрывает в себе этот образ и становится подобием Бога. И реализация эта возможна только через деятельность. Таким образом именно труд позволяет человеку пройти путь становления, раскрытия в себе образа Божьего, последовательного преображения в образ Христа.

31. Утверждение, что труд есть необходимое условие раскрытия в человеке образа Божьего, позволяет занять онтологическую позицию в дискуссии об освобождении человека от труда с помощью роботов. Из нашей позиции очевидно, что в основании этой идеи лежат греческие (и, шире, античные) представления о труде как проклятию и наказанию. В античности труд перекладывался на плечи рабов, сегодня в этой роли предлагается использовать роботов. На наш взгляд, благодаря роботам и другим технологиям должен измениться характер труда, но требование полного освобождения людей от трудовой деятельности – это требование деградации человека и разрушения общества.

32. Оправдание труда требует и оправдания предпринимательства. Адам точно не был «наемным рабочим»: ему не были даны четкие инструкции, его труд не регламентировался по времени, ему не была назначена заработная плата. Он должен был сам (в общении с Богом, но сам, принимая на себя всю полноту ответственности) определить задачи, которые он собирается решать, способы и средства их решения и затем *действовать*. Перед первым человеком стояла поистине предпринимательская задача, причем предпринять он, в пределе, должен был весь мир. Да, не сразу. Да, через своих потомков. Но в целом Бог доверил Адаму Свое творение, чтобы Адам мог развивать и преображать этот мир, все более и более раскрывая в нем славу Творца.

33. В Священном Писании не описан предприниматель так, как мы его сегодня понимаем (чья основная задача – созидательное разрушение, создающее новую систему разделения труда), но образ наемника точно несет в себе негативные коннотации: либо как показатель крайней бедности (хуже только рабство), либо как характеристика моральной деградации (противопоставление наемника и доброго пастыря).

34. По большому счету священнодействие в труде возможно, только когда этот труд свободен. Отчуждение человека от труда и его результатов, которое почти всегда сопровождает наемный труд в современном мире, сужает возможности для священнодействия в труде. А потому требование «энтерпренизации» труда рабочих, инженеров, менеджеров и других специалистов, «фриланс» и другие формы занятости, в которых человек несет полноту ответственности за свои время и деятельность, – необходимый шаг на пути к священнодействию в труде.

35. Грех искажил, но не отменил замысел Бога о труде. Проклятье «в поте лица будешь есть свой хлеб» (Быт. 3:19) показывает, что в результате греха труд человека больше не является свободным и радостным сотворчеством с Богом. Отныне в процессе трудовой деятельности люди сталкиваются с «терниями и волчцами» – увеличением издержек деятельности (Быт. 3:18), труд не всегда будет достойно вознагражден, а результаты труда не часто будут приносить труженику удовлетворение. Однако сам труд остается благим даром любящего Бога, посредством которого человек раскрывает свой потенциал и может изменять к лучшему мир вокруг себя.

36. Греховность по отношению к труду проявляется не только в «сопротивлении среды». Поскольку грех поразил саму природу человека, мы должны сознавать, что отныне и вся наша деятельность также несет в себе печать греха, или, языком Стругацких, «отягчена злом».

37. Наглядные проявления этой греховности – хищническая эксплуатация природы и человека.

38. Власть над творением (природой) дана человеку Богом. Грех же искажает эту власть, что приводит к тому, что хозяйственная деятельность человека, вместо того чтобы раскрывать потенциал творения и наполнять мир славой Божьей, делая его все более прекрасным местом, нередко приносит обратные результаты, оставляя после себя выжженную пустыню.

39. Эксплуатация человека в ходе трудовой деятельности и в процессе распределения и обмена результатами этой деятельности описана многократно. Мы в данном случае обращаем внимание лишь на духовный корень этого явления.

40. Одно из проявлений такого рода эксплуатации – это создание деятельностей, которые не являются трудом, поскольку не восполняют нужд людей, зато «выкачивают» деньги на потакании прихотям и низменным потребностям. «Торговля воздухом», «пузыри», «пирамиды» и «хайпы» относятся к явлениям именно этого рода.

41. Мы не строим иллюзий, что в мире в его нынешнем состоянии возможен труд, полностью свободный от греха. Именно потому при организации и осуществлении деятельности силу греха нужно учитывать со всей серьезностью и стараться минимизировать ее последствия.

42. Искупление, совершенное Иисусом Христом, относится не только к самому человеку, но и ко всей его деятельности. Иаков справедливо указывает: «вера без дел мертва» (Иак. 2:26). Иными словами, спасение, совершенное Христом, должно проявиться в том, как человек действует, в том числе, в профессиональной сфере. В посланиях апостолов немало наставлений по практике жизни во Христе относятся к тому, что мы сегодня назвали бы профессиональной деятельностью. Достаточно вместо слов «рабы» и «господа» подставить «работники» и «работодатели», и древние тексты обретут удивительную актуальность!

43. Павел подчеркивает необходимость для всех верующих отказаться от праздности и заниматься полезным трудом (Эф. 4:28; 1 Фес. 4:11-12). Выше отмечалось, что в греко-римской культуре того времени работать своими руками для свободного человека было зазорно. Готовность трудиться, таким образом, свидетельствовала о том, что у человека действительно изменилось мировоззрение!

44. Отдельно стоит выделить вопрос достойного заработка. Апостол призывает не просто трудиться, но и зарабатывать, причем так, чтобы не только обеспечить свои собственные нужды, но и иметь возможность помогать нуждающимся! Такое отношение к материальному обеспечению (и достойный заработок, и щедрость в помощи другим) – еще одно проявление изменения, которое произошло с человеком в результате встречи с Христом.

45. Великое Поручение Христа (Мф. 28:18-20) обращено ко всей Церкви, а значит, исполняться должно всеми нами как Его царственным священством. Петр указывает: «Вы – царственное священство, народ святой... призванные возвещать совершенство Призвавшего вас...» (1 Пет. 2:9). Призвание «идти, научить все народы» (Мф. 28:19) и призвание «возвещать совершенства» Бога в этом мире – это два способа сказать об одном и том же.

46. Труд как священнодействие – один из путей возвещения Божьей славы в мире, *столь же значимый*, как проповедь, миссионерская деятельность или социальное служение. Согласиться с этим – значит сделать решительный шаг к действительному признанию священства всех верующих.

47. «Снаряжение святых на дело служения», которое должны осуществлять люди, имеющие для этого особые дары (см. Эф. 4:11), должно включать и подготовку христиан к осуществлению миссии через свой профессиональный труд. Такая подготовка, среди прочего, должна включать мотивацию к постоянному профессиональному росту и повышению своего мастерства.

48. Труд как священнодействие не исключает, но, напротив, подразумевает и молитву, и непосредственную проповедь Евангелия. Стремясь к тому, чтобы превратить свой труд в поклонение Богу и служение ближним, христианин благословляет компанию, в которой ему выпала честь трудиться, молится, чтобы возможно более качественно выполнять свою работу, ходатайствует за своих коллег и клиентов.

49. Бог ожидает от человека не слепого повиновения. Он стремится установить с каждым из нас отношения доверия и любви. Христос приходит в мир как Человек, чтобы Своей жизнью показать, какого рода отношения должны быть между нами и нашим Творцом (Ин. 1:14, 18). Крест свидетельствует, что для установления таких отношений Бог готов заплатить любую цену. Священнодействовать в труде – значит через свою профессиональную деятельность и свое отношение к людям, с которыми мы в процессе труда взаимодействуем, явить Божью любовь к человеку. Для этого, помимо глубоких личных отношений с Богом, христианин должен быть способен чем-то жертвовать. Готовность «подставить вторую щеку» в конфликте, «пройти второе поприще», когда ты уже выполнил свои обязанности, выслушать и проявить участие к человеку в трудной ситуации – это путь, который делает присутствие Христа явным там, где мы трудимся.

50. Говоря о всеобщем священстве Писание всегда использует множественное число («мы – царственное священство, народ святой...»). Мы видим в этом указание на экклесийный, соборный характер священнодействия: каждый из нас может осуществлять свое священническое призвание, только находясь в живой связи с Телом Христовым. Это требование в равной мере относится и к священнодействию в труде: подотчетность, готовность принимать наставление и коррекцию от своих братьев и сестер по вере, совместная молитва – без такого рода проявлений церковной жизни священническое служение на рабочем месте нереализуемо.

51. В свою очередь, эта живая связь с братьями и сестрами по вере в процессе исполнения своего священнического призвания изменяет представление о церкви. Вместо религиозной организации, чья деятельность сводится к проведению регулярных богослужебных собраний, мы видим народ, соединенный единой верой, который для поклонения Богу использует все формы жизни и деятельности, каждый в этом народе переживает Божье присутствие во всяком месте и особенно – в процессе сотворчества с Богом в своем профессиональном труде, и миссия которого – явить славу Творца и Искупителя словом, делом, отношениями – всей своей жизнью.

52. В завершение постараемся ответить на вопрос: почему именно требование целостного представления о всеобщем священстве и его практического воплощения, в том числе и в первую очередь в профессиональном труде, есть ключевой вызов современной Реформации? Реформация есть, по определению, «восстановление формы». Но не всякое «восстановление формы» заслуживает этого громкого имени, а лишь такое, которое возвращает нас к Христу и Его изначальному замыслу о человеке и его пути, о Божьем народе и его миссии, о мире и деятельности в нем.

53. Если такое возвращение действительно происходит (пусть даже и не в полной мере, поскольку всякое человеческое действие несовершенно), оно высвобождает огромную энергию, которая дает Церкви способность быть в этом мире закваской Божьего Царства. Так произошло 500 лет назад, когда попытки скромного монаха начать дискуссию по важному для него вопросу запустили процессы, изменившие не только Церковь, но и весь мир.

54. Лютер ставил вопрос о том, как человек может примириться с Богом, что или кто может дать мне уверенность в том, что я принят, любим и прощен. Ответ, благодаря которому и сам Лютер, и миллионы людей после него обретают эту уверенность, звучит очень просто и предельно ясно – Solus Christus, Только Христос!

55. Сегодня перед человеком веры стоит вопрос: как жить с Богом и служить Ему в мире, который от Бога отказался и который, тем не менее, демонстрирует почти божественное могущество? В мире, где, как кажется, исполняются слова древнего змея «станете, как боги»! Наш ответ на этот вопрос – это всеобщее священство, которое реализуется, в первую очередь, через профессиональную деятельность, через труд как поклонение Богу и служению ближнему.

56. Восстановить смысл всеобщего священства – это и означает сегодня вернуться к Христу. Обрести Его в каждый момент своей жизни и деятельности. Позволить Ему выйти за пределы стен храмов и через нас прийти туда, где люди трудятся, созидая настоящее и будущее. Позволить Ему встретиться с этими людьми и открыть им Свой замысел и Свою любовь.

57. Две тысячи лет назад Слово стало Плотником. Сегодня Он хочет воплотиться как Программист, Инженер, Предприниматель, Врач, войти на заводы, в офисы, коворкинги. Быть там, где создаются стартапы и принимаются решения о развитии городов. Позволим ли мы Ему сделать это? Станем ли теми, через кого и с кем вместе Он это совершит?

*[Октябрь 2017
Канун 500-летия Реформации]*

Научно-популярное издание

**Философско-религиозные тетради. Тетрадь №017.
Возвращение труда: богословские и философские
вызовы теологии труда. — Тезисы, посвященные
500-летию реформации.**

Материалы данного сборника можно, кроме прочего,
прочитать на сайте "Евангельское движение"
www.evangelicals.ru/17